

«ЗА ХОРОШИЙ ВКУС НАДО БОРОТЬСЯ!»: СОЦРЕАЛИЗМ И КИТЧ

Светлана Бойм

Владимир Набоков писал, что слово «пошлость» непереводаемо на другие языки и могло быть изобретено только в «старой России». Пошлость — это неявный обман, своеобразный маскарад, в котором низкая культура заигрывает с высокой и в конце концов ставит ей мат. Пошлость для Набокова — одновременно эстетический феномен и моральная проблема. Набоков находит приметы пошлости в немецких слащавых открытках конца века с обнаженными наядами, в американской рекламе с миленькими домохозяйками и веснушчатými мальчиками и в советском искусстве соцреализма, искусстве «улыбающихся рабов», в котором сочетаются «деспотизм и псевдокультура»¹.

Китч, который так любили ненавидеть критики и писатели модернисты в 1930-е годы Германн Брох, Теодор Адорно и Клемент Гринберг — немецкий родственник набоковской пошлости (несмотря на лингвистический патриотизм писателя), рассматривался как пасынок модернизации и связанных с ней феноменов массовой грамотности (или массовой полуграмотности) и создания централизованных институтов искусства, будь то «индустрия развлечений» или политика искусства в тоталитарном государстве. Таким образом, китч идентифицировался одновременно с массовой и с тоталитарной культурами. Гринберг пишет в 1939 году: «Если китч является официальной тенденцией в искусстве Германии, Италии и России, то это не потому, что правительства этих государств мещане, а потому что китч и является массовой культурой в этих странах, да и в других. Китч — это дешевый инструмент соблазна масс... Китч держит диктатора в близком контакте с “душой народа”»².

Создается впечатление, что китч и соцреализм синонимы, или, вернее, соцреализм — одна из разновидностей мировой эпидемии китча. Вирус китча мог бы рассматриваться как глобальное осложнение после тяжело перенесенной болезни модернизации. Однако, «китч» и «социалистический реализм» — термины разных культур, советской и западной. Сопоставление этих понятий указывает на то, как по-разному понималась роль культуры в Советском Союзе и за его пределами, и как часто парадоксальны и неточны были переводы с советского на западный и обратно. Слово «китч» появляется в советской прессе в 1960—1970-е годы, в основном в статьях о массовой культуре «загнивающего Запада». В 1980-е годы слово входит в обиход, но в отличие от пошлости, китч рассматривается как чисто эстетический феномен. Скорее всего иностранное происхождение слова способствовало его эстетизации и экзотизации в русском языке. Таким образом, история и теория китча, выявляющая сложные взаимоотношения этики и эстетики, не была переведена на русский язык и не стала предметом внимания российских критиков.

Можно было бы выписать рецепт для борьбы с китчем и предписать здоровый гуманизм, утопический авангард или истинное народное искусство (в зависимости от взглядов врача). Но борьба с китчем или борьба за хороший вкус тоже имеет свою болезненную историю. За ней часто стоит идея гражданской войны в культуре, четкое понимание культуры исключительно в единственном числе, утверждение ее дидактической роли в обществе и в формировании национального самосознания. Борьба за хороший вкус, ее риторика и парадоксы будут в центре нашего внимания.

В двадцатом веке старинный римский афоризм «о вкусах не спорят» перестал быть актуальным. О вкусах не только спорили — за вкус боролись. В 1920-е годы конструктивисты и левонцы стремились установить «диктатуру вкуса» и предлагали объявить войну мещанству, пошлости, «лубочным безобразиям», «псевдопролетарским безделушкам» и «азиатской необразованности масс». Официальные советские теоретики эпохи соцреализма боролись с «ширпотребом», «безвкусицей» и «отрыжками формализма» — «за повышение культурного уровня народа» и даже за «тонкий артистизм». Их западные современники, критики и писатели-модернисты, видели в этом «тонком артистизме» псевдоискусство, тоталитарный китч, аморальный акт. Таким образом, споры о вкусе затронули центральные проблемы XX века: культуры в единственном и множественном числе, культуры массовой и элитарной, этики и эстетики, искусства и власти. С конца 1960-х китч перестает рассматриваться как мироощущение и как этический акт и превращается в эстетический стиль, в китч в кавычках. Одновременно этический пафос модернистов, политизация искусства выходят из моды. В субкультуре пост-модернизма критика и борьба за вкус стали считаться плохим вкусом.

Мы постараемся терпеливо раскрыть исторические кавычки вокруг этических и эстетических категорий «борьбы за вкус» и рассмотреть взаимоотношения классической критики китча, разработанной в 1930—1950-е годы, и официальной самокритики соцреализма и борьбы за культурность и хороший вкус.

В первой части этой работы будет кратко проанализировано противостояние авангарда и китча, понятия массовой и элитарной культуры в западной модернистской критике, а также механизмы китча, взаимодействие этического и эстетического и понятие «банальности зла». Чтобы не ограничиваться теоретическими общими местами, во второй части мы рассмотрим два примера того, как официальная критика соцреализма боролась с проявлениями мещанства и плохого вкуса — в иконографии советской личной жизни и в прикладном искусстве. Мы не обойдем вниманием фикусы и палехские шкатулки, «национальные по форме и социалистические по содержанию», объекты борьбы с «лакировкой действительности», а иногда и с «безродным космополитизмом». Бытовые и «малые жанры» представляли особую сложность для эстетики большого имперского стиля, каким был соцреализм. Именно в них воплотились парадоксы его теории и практики. Не будем пытаться дать однозначный ответ на вопрос, является ли соцреализм китчем. Путь к пониманию истины часто ведет через заново поставленные вопросы, а не через заранее заготовленные ответы. Эта работа — не тотальное описание, а скорее коллаж идей и парадоксов истории борьбы за вкус. Патетическая борьба с китчем и пошлостью сама подвержена опошлению и *китчификации*. Бацилла китча легко передается от его *последователей* к его *преследователям*. Впрочем, даже исследователи китча иногда теряют иммунитет.